

E. Aunoble. LA REVOLUTION RUSSE, UNE HISTOIRE FRANÇAISE. LECTURES ET REPRESENTATIONS DEPUIS 1917. Paris: La Fabrique, 2016, 264 p.

Э. Онобль. ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ПРОЧТЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ С 1917 года. Париж, 2016, 264 с.

В начале 2016 г. в парижском издательстве «La Fabrique» вышла книга Эрика Онобля «Французская история Русской революции. Прочтения и интерпретации с 1917 года». Книга во многом отталкивается от парадокса: Франция, по сей день обладающая репутацией страны революций, имеющая в недавнем прошлом мощную компартию и ныне отличающаяся сильным и разнообразным левым движением¹, сравнительно мало знает о событиях 1917 года в России. Чтобы объяснить этот парадокс, автор не ограничивается простым анализом академической и научной историографии. В «прочтениях и интерпретации» Революции включены художественные произведения (в том числе и художественные фильмы), распространенные образы, дискурсы, практики и события, в которых так или иначе преломлялся сюжет 1917 года. Рассматривается реакция прессы на события революции, участие прессы в дискуссии по поводу тех или иных историографических тенденций, а также изменения в политике школьного исторического образования (с. 30–40, 59–68, 75–80, 94–101, 128–131, 173–174). Какие же выводы можно сделать, рефлексировав вместе с автором «Французской истории Русской революции»?

Прежде всего надо иметь мужество признать известную долю правоты за «отцом советской исторической школы» М.Н. Покровским. Если история, говорил он, не сводится к «политике, опрокинутой в прошлое» целиком и полностью, то в любом случае она не может обойтись без этого регулярного «опрокидывания». Поэтому книга Э. Онобля не только об истории. Он не скрывает сочувственного отношения к сложному революционному опыту большевиков. Это — вызов как либеральной картинке «преступления без срока давности», так и попытке российских

сталинистов и консерваторов ограничить значение Октябрьской революции рамками «модернизации с российской спецификой». Логично, что автор книги пытается ответить на вопрос, почему в современной Франции Революция 1917 года оказалась не только забыта, но и отвергнута как универсальный образец эмансипации.

Характерно, что в феврале 1917 г. французская пресса приветствовала революцию в России, воспринимая ее как аналог 1789 г. Однако же, когда «оборонцы» стали терять инициативу, ее тон изменился. Первоначально даже «L'Humanité» отнеслась к большевикам крайне враждебно, а образный ряд в пересказе событий ее петроградским корреспондентом Борисом Кричевским мало отличался от того, который можно было встретить в консервативной «Le Matin» (с. 30, 31).

Сегодня во Франции сюжет Революции 1917 года как бы закольцевался. Но если мы внимательнее проследим предшествовавший этому путь, то заметим еще один парадокс. Разочарование после длительного периода популярности в наследии Октябрьской революции и в марксизме во Франции и в мире вовсе не связано с тем или иным компрометирующим «коммунизм» событием. Московские процессы, Гражданская война в Испании, пакт Молотова и Риббентропа, 1956 и 1968 гг., которые могли отталкивать от коммунистического движения целые группы, не мешали тому, что в целом оно росло и развивалось как в лице ФКП, так и в лице многочисленных организаций крайних левых.

Это убедительно показано Э. Оноблем на примере французских историографических дебатов вокруг вопросов, поднятых А.И. Солженицыным в его неоднозначных с научной точки зрения работах (с. 138–152). Критика СССР и его пенитенциарной системы, в частности критика слева, вовсе не была недоступна французской публике, но эта критика,

¹ См. Французский ежегодник 2009. М., 2009.

несмотря на резонансные процессы журнала «Les Lettres françaises» против Виктора Кравченко и Давида Руссе (с. 86), никогда не приводила к столь серьезным политическим изменениям. Во Франции было опубликовано достаточно много свидетельств не только о бесчеловечности системы ГУЛАГа², но и о предательстве сталинизмом международного коммунистического движения³.

Почему же в таком случае именно антикоммунистические «Архипелаг ГУЛАГ» и «Ленин в Цюрихе» вызвали крутой поворот в «прочтениях и интерпретациях» Революции 1917 года во французском обществе? На наш взгляд, ответ следует искать в объективных условиях его развития. «Кризису марксизма», если воспользоваться этим выражением одного из философских лидеров современной французской радикальной левой Алена Бадью⁴, в гораздо большей степени способствовало бессилие рабочего движения перед процессом глобализации, контроль над которым сохранили капитал и подчиненные ему корпоративная и государственная бюрократии. Во Франции этот процесс был усугублен поражением «Красного мая» 1968 г. Крупнейшая всеобщая забастовка, с одной стороны, была сознательно сведена на нет руководством ФКП⁵, а с другой — не оправдала чаяний студенческих левых групп о союзе с рабочим классом. Фигура Солженицына и его вполне осознанное намерение поставить феномен сталинизма на службу антикоммунизму идеально слились с этим общим разочарованием.

Надо понимать также, что пример 1917 года в целом оставался во Франции подчиненным иной логике, нежели его собственная. Даже ФКП, изначально работавшая над популяризацией идей Октября, подчас встречавшая жесткое сопротивление властей, как, например, было с запретом на демонстрацию «Октября» С. Эйзенштейна в одном из кино клубов ФКП (с. 59–60), приходит к отождествлению Октября и Французской революции, которое

было заложено еще Матьезом и Оларом (с. 47, 75). После войны эта трактовка закрепилась благодаря ее социал-демократической, патриотической и протекционистской политике приспособления к социально-политической обстановке послевоенного «славного 30-летия».

Таким образом, поколение «Красного мая» воспринимало 1917 год в основном в его идеологических проекциях. Мировоззренческая же основа, на которую эти проекции накладывались, по сути своей брала начало в старых общественных институтах и соответствовала их рациональной или же просвещенческой логике. Так, один из его представителей, уже упоминавшийся Бадью доказывает, что марксизм — единственное средство «помыслить политику» именно для того, чтобы реабилитировать его. При всем уважении к гуманистическому пафосу Бадью, нельзя не признать, что инстанцией в этом споре с «автоматизмом безразличия» для него является скорее Декарт. Маркс же остается в лучшем случае подзащитным⁶. Так или иначе, очень скоро, в 1970-х годах, советский строй и Революция, породившая его, из ряда положительных исторических примеров стремительно перешли в число отрицательных.

Важную роль здесь сыграло «обоожествление» ФКП «реального социализма». Очень верна метафора Э. Онобля, указывающая на то, что идеологическая «крепость» ФКП была во многом просто покинута «обороняющимися» (с. 131). Пример процессов «Les lettres françaises» и дебатов вокруг произведений Солженицына показывает, что логика Октября для французской левой была принята *en bloc*, как докса, но не как метод (с. 68). Впрочем, это вполне верно и для СССР, где победила и откуда транслировалась на весь мир логика «Краткого курса истории ВКП(б)». Но «дистиллированная» сталинистская история Революции вовсе не была дружественной ее

² Guinzbourg E. *Le Vertige*. Paris, 1967; Chalamov V. *Récits de Kolyma*, Traduit du russe par Olivier Simon et Katia Kerel. Paris, 1969.

³ Buber-Neumann M. *Déportée en Sibérie*, Neuchâtel, Éditions de la Baconnière. Paris, 1949; Margolin J. *La condition inhumaine: cinq ans dans les camps de concentration soviétiques*. Paris, 1949; Général «El Campesino». *La vie et la mort en U.R.S.S.* (1939–1949). Paris, 1950.

⁴ Badiou A. *Peut-on penser la politique?* Paris, 1985, p. 25.

⁵ См. Vigreux J., Ranc R. *La direction et les députés du PCF à l'épreuve de Mai — Juin 68. — Parlement[s], Revue d'histoire politique*, 2008, № 9-1.

⁶ Ср.: «На кону не что иное, как возможность для философии... удерживать политику в порядке мыслимого, спасение содержащейся в ней фигуры бытия от автоматизма безразличия» (Badiou A. *Op. cit.*, p. 21) и «Если бы существовали такие машины, которые имели органы и внешний вид обезьяны или другого неразумного животного, то мы не имели бы никакого средства узнать, что они не той же природы, как эти животные. Но если бы сделать машины, которые имели бы сходство с нашим телом ... то мы имели бы все же два верных средства узнать, что это не настоящие люди». — Декарт Р. *Рассуждение о методе*. Дидоптрика. Метеоры. Геометрия, М., 1953, с. 50.

проекту и идеалу, а напротив, сыграла роль идеального соперника для враждебных им консервативных и либеральных концепций. Не случайно либеральная и тоталитарная критика СССР полностью заимствует целый ряд положений сталинизма — преемственность и непрерывность партийной истории с момента основания партии, полное соответствие результатов работы партии замыслу ее вождей и т.д. Часто различия сводятся лишь к оценкам — положительным в одних случаях, отрицательным в других, в то время как структура повествования остается общей (с. 174—175).

Мы позволили себе подкрепить рассуждения автора некоторыми самостоятельными аргументами именно в силу общественного значения дебатов об Октябрьской революции. В то же время книга Э. Онобля вызывает и вопросы, впрочем, немногочисленные. Выделенные автором широкие сегменты исторической литературы и источников изучены досконально и добросовестно. Однако некоторых отсылок все же не хватает. Было бы весьма полезно разобраться в истории послевоенных публикаций во Франции работ советских историков о Революции⁷. Изучая французскую прессу 1917 г., стоит упомянуть о Рене Маршане, журналисте консервативно-го «Le Figaro», перешедшем на сторону большевиков⁸. Возможно, следовало бы подробнее рассмотреть те французские источники о революции, которые дают примеры живой связи Франции с революционными событиями в России и на Украине. Здесь надо обратить внимание на воспоминания о французской интервенции 1918—1919 гг.: «Восстание на Чёрном море» Андре Марти, мемуары его соратника Шарля Тийона⁹, «Восставшие на Чёрном море» Жана Воттеро и Пьера Ле Рамей¹⁰. В то же время Марти — один из активных участников и историк восстания против интервенции — упоминается в книге всего один раз (с. 71—72), а Тийон, его главный соратник в ФКП, ни разу. Стоило бы проанализировать и различные проявления солидарности

с Советской Россией, например, петицию Анатоля Франса¹¹ или кампанию помощи голодающим Поволжья.

Отсылки к Марти и Франсу имеют особый смысл в связи с другим вопросом концептуального характера. В целом замысел произведения не вызывает сомнений. Однако не является ли постановка проблемы слишком узкой? Не сводится ли вся Революция заведомо к событиям в России, пусть даже в рамках разлагавшейся в ту эпоху Российской империи и ныне не существующего СССР? Является ли, в сущности, эта Революция русской? Конечно, в данном случае сложно упрекать французского автора за ссылку на историческое событие, известное во французской традиции именно под таким именем. Но все же здесь следует поставить принципиальный вопрос о природе революции и о том, как ее характеризовать. Неслучайно в историографической традиции говорится именно о Французской, Нидерландской, Бельгийской, Германской и прочих революциях. В той или иной степени это относится вообще ко всем европейским и ко многим, если не к большинству, неевропейских революций (ярчайший пример — Китай с его национальной «спецификой социализма»). Все они так или иначе способствовали рождению политических наций: либо путем политического объединения (Германская революция, Ресорджименто в Италии), либо путем национально-освободительной борьбы (революции в Нидерландах и США), или же благодаря формированию национальной идентичности и общенациональной культуры (Французская революция)¹².

Это в какой-то степени справедливо и для Русской революции, но лишь отчасти, ибо от нее берет начало формирование сразу целого ряда наций, среди которых украинская и российская относились к крупнейшим в Европе по целому ряду показателей, а в чем-то остаются таковыми и сейчас. Важно и то, что представление о себе как о единой нации украинцы получают в основном именно в 1920-е годы, когда Советами предпринимаются серьезные усилия по «коренизации» во всех без исключения республиках СССР. Здесь можно вспомнить и исключительную роль Революции 1905—1907 гг., февраля 1917 г. и времени

⁷ См., например: *Zack L. Des Français dans la Révolution d'octobre, contribution à l'histoire du groupe communiste français*. Paris, 1976; *Зак Л.М.* Они представляли народ Франции. М., 1977.

⁸ *Marchand R. Pourpoui je me suis raillé à la formule de la Révolution sociale*. Petrograd, 1919; *idem. Lettre au Président Poincaré*. — *Pour la Russie Socialiste*. Berne, 1918.

⁹ *Tillon C. La révolte vient de loin*. Paris, 1969.

¹⁰ *Ле Рамей Ж., Воттеро П.* Восставшие на Чёрном море. М., 1976.

¹¹ См. *Ленин В.И.* Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря [1919 года на VII Всероссийском съезде советов 5—9 декабря 1919 года]. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 399.

¹² *Собуль А.* Проблема нации в ходе социальной борьбы в годы Французской буржуазной революции XVIII века. — Новая и новейшая история, 1963, № 6.

господства меньшевиков в Грузии для ее национальной истории, впрочем, как и советский период ее развития.

Таких примеров можно привести множество. В любом случае данный опыт уникален и сопоставим разве что с опытом Австро-Венгрии, который совершенно не случайно, через посредство австромарксизма, серьезно повлиял на теорию сталинизма. На пространстве же бывшей империи Романовых революционные элементы разных наций создали военно-политический конгломерат — достаточно рыхлый и неустойчивый лагерь красных (вспомним фигуры Муравьева, Григорьева, Махно, зеленое движение). Немаловажным эпизодом его формирования является переход на сторону красных значительной части петлюровских войск и таких представителей украинской национальной интеллигенции, как А. Довженко и П. Тычина. Также важна последовательная работа большевиков по интеграции в свой состав леворадикальных национальных групп, в том числе украинских «боротьбистов». Это была одна из составляющих их победы в гражданской войне, без которой невозможно понять не только сам период 1917–1921 гг., но и феномен однопартийности в СССР¹³.

Наконец, принцип историчности заставляет исследователя вслед за участниками событий признать, что эта революция вполне заслуживает характеристики мировой. Она не ограничивалась границами наций, а ставила вопрос об их уничтожении, связывая его с социальным освобождением. В одной лишь Европе лозунги Русской революции обрели плоть и кровь в Германии и Венгрии. Действующими лицами противостояния мирового масштаба и до, и во время подъема революционной волны были межнациональные объединения — не только военно-политические блоки, но и международные политические организации, такие как II Интернационал. Среди них есть и Коминтерн, для которого мировая социалистическая революция была главной политической целью. Коминтерн в лице участницы его Первого конгресса Жанны Лябурб сыграл самую непосредственную роль в гражданской войне. Вопрос о степени влияния знаменитой Иностранной коллегии ВКП(б) на умонастроения уже упомянутых здесь участников интервенции заслуживает отдельного рассмотрения. Но эти события являются одними из важнейших

эпизодов истории ФКП, изначально — Французской секции Коммунистического Интернационала, а их участники формируют целый ряд источников и ведут кропотливую работу и в области традиционной историографии, и в области формирования коммунистической «культурной гегемонии»¹⁴. Следовательно, ограничивать революцию пределами России или даже бывшей Российской империи было бы в принципе неверно.

Другой вопрос возникает при попытке автора противопоставить все той же теории тоталитаризма принципиальную установку на раздельное изучение Революции и советского общества. Этот, в сущности, научно добросовестный подход, противостоящий телеологическим трактовкам Революции, оборачивается, однако, ограничением. В противовес их узко полемическому взгляду на Революцию как на положительное, но кратковременное явление (Ида Метт) (с. 196) или же как на начало советского «тоталитаризма» автор солидаризируется с характеристикой позднего СССР как плебейско-демократического государства, данной Марком Ферро (с. 196). Но эта характеристика сводит роль Революции к «прогрессивному импульсу», и именно поэтому он вынужден признавать маловероятным возрождение опыта 1917 года из-за разрыва поколенческой связи в радикальной политической традиции (с. 197). Это ослабляет изначально сильные аргументы в пользу актуальности опыта большевиков (с. 17).

На наш взгляд, Революцию 1917 года следовало бы рассматривать как самостоятельную, так и в контексте переосмысления истории СССР. Его самым очевидным направлением могла бы стать переработка периодизаций истории России, Украины и других республик бывшего СССР. Вправе ли мы рассматривать советский период как единое целое?

¹⁴ В этом смысле весьма характерны документы Андре Марти, особенно его переписка с участниками восстания на Чёрном море о подготовке памятных мероприятий к 30-летию юбилею события в 1949 г., а также в 1950–1952 гг. (Хранятся в Центре социальной истории XX века при университете Париж I, на ул. Малер). См.: Centre de l'Histoire Sociale du XX Siècle, Fonds André Marty, Boîte 3, 2-AM-1B; Archives départementales de Seine-Saint-Denis, 281j III; *Marty A. La révolte de la mer Noire, 1918–1919. Préf. de R. Jean, t. 1–2. Paris, 1927, 1929; Le Ramey J., Vottero P. Mutins de la mer Noire. Paris, 1973; Марти А. Восстание на Чёрном море. Перевод Э. Шлосберг, под ред. Б. Лавренева. М. — Л., 1940; Ле Рамей Ж., Воттеро П. Восставшие на Чёрном море. М., 1976.*

¹³ *Супруненко Н.И. Очерки истории гражданской войны и иностранной интервенции на Украине (1918–1920). М., 1966, с. 53–55, 113–116.*

Или же пореволюционный, сталинский и пост-сталинский СССР — три разных, не сводимых в единую хронологическую рамку политических образования? Разумный принцип автора «понять революцию, прежде чем судить ее», все же не должен заслонять от нас того факта, что «окно возможностей» (с. 16) открывалось не только самой по себе Революцией, но и созданным ею пореволюционным режимом партийной демократии, атмосферой социального творчества и острых дебатов.

Отвлекаясь же от той роли, которую рассматриваемая работа вносит в осмысление французским и российским обществом 1917 года, следует отметить пользу книги Э. Онобля для научной историографии. Она поднимает вопрос, как работать с тем, что названо в заглавии книги «прочтениями и интерпретациями». Тому есть множество причин — от расширения круга источников по новейшей истории, до расширения поля

историографии за счет неакадемических представлений об истории.

Кроме того, легко и ясно написанная книга Э. Онобля послужит серьезным подспорьем для любого фундаментального исследования по истории Революции 1917 года, гражданской войны в бывшей Российской империи и революционной волны 1917—1923 гг. в целом, поможет лучше разобраться в тенденциях французской историографии и политической культуре французского общества. Доскональное изложение французской и международной историографии 1917 года дополнено в ней тонким пониманием политического контекста и логики смены общественных настроений во Франции, начиная с заката «Belle époque» и заканчивая «концом истории» 1990-х годов и современным периодом.

Д.В. Денисов,
докторант (соискатель степени PhD)
Высшей школы социальных исследований
(EHESS, Париж).

П. Черкасов. ИМЭМО. ОЧЕРК ИСТОРИИ. М.: изд-во «Весь мир», 2016, 872 с.

Эта книга посвящена советской и пост-советской истории одного из ведущих академических научно-исследовательских учреждений нашей страны — Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) Российской академии наук. Она написана доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института всеобщей истории РАН П.П. Черкасовым и опубликована в том же 2016 г., когда ее автора избрали членом-корреспондентом РАН, а ИМЭМО отпраздновал 60-летие со дня своего основания. П.П. Черкасов справедливо замечает, что «к своему шестидесятилетнему юбилею Институт мировой экономики и международных отношений РАН подошел не только с яркой историей, но и с целым рядом внушительных достижений последнего времени» (с. 16).

Книга интересна прежде всего тем, что история ИМЭМО вписывается в общий контекст политического развития СССР/России второй половины XX в. Читателю представлена важная, во многом новая документальная хроника, выводящая, говоря словами П.П. Черкасова, «на более широкую проблему — интеллигенция и власть в СССР/России» (с. 17). Действительно, на примере одного института автору удалось показать «интеллектуальную историю послевоенного советского, а затем и российского общества» (с. 17). Таким образом,

книга, вышедшая в преддверии 100-летия Октябрьской революции 1917 г., вносит свою лепту в осмысление событий, происходивших под ее влиянием в нашей стране. Надо отдать должное П.П. Черкасову: воссоздавая историю института, ему удалось связать ее с общим контекстом происходивших процессов, в том числе в социокультурной области, подвергнуть их глубокому анализу, четко обозначить авторскую позицию и к тому же продемонстрировать писательский талант.

Хочется особо подчеркнуть также, что, представив в 16 главах своей книги картину того, как сказывались на работе ИМЭМО политические перипетии в нашей стране, П.П. Черкасов, сам проработавший в этом институте с 1970 по 1987 г., подготовил именно исторический труд, выполненный в русле концепции Ф. Броделя об истории «среднего времени». П.П. Черкасов прав, когда пишет, что «время для развернутой и объективной оценки деятельности ИМЭМО последних пятнадцати лет еще не настало, если не сводить дело к скучному изложению ежегодных научных отчетов. Но вполне правомерно и даже необходимо бросить ретроспективный взгляд на историю Института с момента его создания в 1956 г. до конца XX столетия» (с. 16). Свою авторскую задачу он формулирует так: «С самого начала я считал своим долгом рассказать о внутренней жизни ИМЭМО и о некоторых интересных людях, в разное время